

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Т.И. Коптелова

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНИ И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Аннотация. Постмодернизм рассматривается в данной статье не только, как феномен современной культуры, определяющий стиль жизни, вкусы и потребности цивилизованного общества, но и как особенность мышления, как вызов научному познанию. Деконструкция (направление постмодернистского критицизма, одно из проявлений глобальной унификации культуры и природы) исследуется с позиции мультинационального подхода, разработанного в отечественной традиции (евразийство 20-30-х гг. XX в. и теория этногенеза Л.Н. Гумилёва). В данном исследовании представлен анализ современного кризисного состояния науки и предпринята попытка определить его мировоззренческие и социокультурные причины. Вниманию читателя представлены достижения современной науки в области создания и распространения ГМО как одного из способов унификации биосферы. Достижения европейской цивилизации в распространении «общечеловеческой» культуры и уничтожении национального разнообразия, также очевидны. Наряду с основными методами научного исследования (диалектическим, сравнительным (компаративным) анализом, методом синтеза и историко-философской реконструкции), использовалась евразийская методология изучения социального развития, основанная органическом типе философии истории и теории «локальных цивилизаций».

Осознание современных мировоззренческих проблем, определяющих в настоящее время судьбу человечества, – это первый шаг на пути к формированию нового рационализма, в котором найдётся место для разнообразных национальных интересов, где возможно сохранить приоритет духовных ценностей и свободу творческого поиска. Развитие научной методологии, основывающейся на органическом типе философии истории и теории «локальных цивилизаций», способствует поиску новых путей преодолению кризиса в современном научном мышлении.

Ключевые слова: постмодернизм, деконструкция, наука, биосфера, унификация, культура, евразийство, цивилизация, техносфера, мировоззрение.

Abstract. The postmodernism is considered in this article not only, as the phenomenon of modern culture defining lifestyle, tastes and requirements of a civilized society but also as feature of thinking, as a call to scientific knowledge. The deconstruction (the direction of post-modernist criticism, one of manifestations of global unification of culture and the nature) is investigated from a position of organic type of philosophy of history and the multinational approach developed in domestic tradition (eurasianism of the 20-30th of the XX century and the theory of ethnogenesis of L.N. Gumilev). In this research the analysis of a current crisis state of science is submitted and an attempt to define its world outlook and sociocultural reasons is made. Achievements of modern science in the field of creation and distribution of GMO as one of ways of unification of the biosphere are presented to attention of the reader. Achievements of European civilization in distribution of "universal" culture and destruction of a national variety, are also obvious. Understanding of the modern world outlook problems defining now destiny of mankind is a first step on the way to formation of new rationalism in which there will be a place for various national interests where it is possible to keep a priority of cultural wealth and freedom of creative search.

Key words: civilization, eurAsianism, culture, unification, biosphere, science, deconstruction, postmodernism, technosphere, outlook.

Постмодернизм – это не только культурная составляющая жизни общества, не только современный стиль мышления, но и показатель кризиса научного познания. Находится ли наука на пороге грандиозных открытий, способных радикально изменить представление о мире? Или же фундаментальная наука погибает, теряя свой общественный авторитет

и свободу творчества в познании? Это вопросы, на которые необходимо ответить современным учёным. И многие из них констатируют «тотальную кризисность современности», называя наше время «эпохой неопределённости» [1].

Кризис современной науки и стиля мышления, рождённого в процессе развития европейской цивилизации, выражается, прежде всего, в схемати-

зации и унификации жизни, которые имеют место не только в мире знаний, но находят воплощение во всех сферах индивидуальной и общественной деятельности. Идеал современной науки, сформировавшийся в европейской культуре познания с XVII в., представлен знанием, функционирующим в знаковой форме и гарантирующим получение точного и универсального результата. Научное мышление использует язык математики, всё дальше и дальше уходит от реалий постоянно меняющегося многомерного мира живой природы, частью которого является сам человек. И в то же время научное познание технично, так как предполагает получение знаний о том, как изменить окружающую среду с целью получения конкретного результата – цели, определяемой политическими или социально-экономическими потребностями, продиктованными не только необходимостью выживания социума, но и этическими установками, духовными ценностями. Стремительное развитие товарно-денежных отношений и рост промышленного производства в Европе XIX-XX вв. способствовали развитию инженерной мысли, что вело в свою очередь к превращению научного мышления-вычисления, познания-моделирования, в технологию и проектирование. К началу XXI в. наука превратилась в мощное орудие, способное до неузнаваемости изменять мир природы, естественную среду рождения и жизни человека. Научное познание, ориентированное на практику, воплотилось в уничтожающей природу «техносфере».

Развитие техники как способа господства над природой, возможность индивидуального и общественного самовыражения и утверждения происходило благодаря революции, изменившей структуру мышления «западного человека». И данная революция заключалась не только в радикальном пересмотре доминирующей в умах европейцев картины мира, но и в потере «цельного» знания. Термины «цельный» и «универсальный» сходны по происхождению, этимологии, но совершенно различны по своему конечному значению. Понятие «цельного» знания появилось в русской философии XIX в. под влиянием православной традиции тогда, как термин «универсальный» был сформирован в западной культуре и в какой-то степени отразил стремление католической церкви к всемирному распространению. «Цельное» знание предполагает гармоничное соединение веры, воли и глубокого переживания самого процесса присутствия в конкретном времени и пространстве, а также переживание взаимодействия субъекта с окружающим миром. Целостное восприятие реальности можно сравнить с глубоким вниманием, созерцанием. Ча-

сто такое отношение к миру ассоциируется с восточной культурной традицией и противопоставляется западной. По словам русских мыслителей, «в России начинают философствовать не с того конца, с которого начинают философствовать в Германии». «Мы начинаем философствовать с жизни и философствуем для жизни» [2, с. 11]. Так, «цельное» знание в философской системе В.С. Соловьёва выступает необходимым основанием для целостной жизни, которая в свою очередь рассматривается как конечная цель всей человеческой истории. Достижение всеобщего «цельного» знания и «всеединства» рассматривается в философии В.Л. Соловьёва как возможный результат истории разных народов, как всеобщее культурное целое, находящееся в процессе становления, и у каждого народа своя особая судьба и свой вклад в общую копилку человеческой культуры [2, с. 12]. Понимание «всеобщего» в русской философии существенно отличается от европейской трактовки «общечеловеческого». Западная философия пытается обнаружить универсальные, одинаковые для всех народов законы развития, а русская философия рассматривает «всеобщее» как некий идеал согласованности различных исторических судеб и культур.

Именно европейская цивилизация выступает с идеей «общечеловеческих», «универсальных» культурных благ тогда, как представители русской философии настаивают на субъективном характере духовных ценностей. Например, представители евразийства 20-30-х гг. XX в. многократно говорили о том, что любая культурная ценность по-своему субъективна, так как для её возникновения достаточно признания какой-либо социальной группы, пусть и небольшой. Исходя из этого, понятия «культурная ценность», «культура» далеко не всегда нуждаются в общепризнанности и общезначимости. П.Н. Савицкий, в частности, замечал, что «нет общего мерила, при помощи которого “культурные ценности” одного народа можно было бы признать “лучше и совершеннее” культурных ценностей, созданных другими народами» [3, с. 142]. В отношении «субъективности» и «всеобщности» культурных ценностей, противоположных характеристик, которыми в постмодернистском восприятии одновременно может обладать один и тот же предмет, проявляется либо практика «двойных стандартов» современных информационных технологий, либо «шизофрения», расщепление сознания мыслящего субъекта. Постмодернизм как явление, рождённое европейской культурой, заявляя о свободе самовыражения, о безграничной реализации субъективного бытия, навязывает себя как общеобязательное правило или закономер-

ность, как наивысшее достижение «общечеловеческой» культуры.

Казалось бы, постмодернизм максимально демократичен и свобода – это его единственный идеал, но, заменяя субстанциалистскую парадигму отношения человека к миру на функционалистскую, он вооружает мышление новым инструментом – деконструкцией. И, предлагая деконструкцию всего, чего только можно, постмодернизм создаёт угрозу для существования самой науки. Возможна ли наука без фундаментального знания? Без жёсткого ядра научно-исследовательских программ может ли происходить рефлексия в науке? Видимая «абсолютная» свобода постмодернизма не признаёт никаких авторитетов? Или же сам постмодернизм выдаёт себя за незыблемое фундаментальное знание и деятельностный способ «нового» существования человечества? Важно отметить, как некоторые современные учёные – приверженцы методологии постмодернизма, выражая то, что ещё совсем недавно казалось немислимым, претендуют на универсальность и фундаментальность своих взглядов. В качестве такого примера можно привести концепцию «постчеловеческой персонологии» Г.Л. Тульчинского, которая, по словам самого автора, вмещает в себя «как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику» [4, с. 4]. Что в данном случае подразумевается под «традиционной метафизикой»? Относительно чего и как оценивать научное знание? Всё это вопросы с неоднозначным ответом, а реалии научно-технического прогресса уже приносят «невообразимые» плоды, радикально меняя жизнь «цивилизованного» человека. И многие из этих плодов оказываются горькими для человечества, например, стремительное уничтожение биосферы и человека как биологического существа.

Деконструкция жизни – это, пожалуй, главное достижение постмодернизма. Понятие деконструкции можно рассматривать как направление постмодернистского критицизма, связанное с работами Ж. Деррида, а также как попытку радикализации хайдеггеровской деструкции западно-европейской метафизики с целью не прояснения фундаментального опыта бытия, а, напротив, с идеей ниспровержения понятия бытия как такового. При этом деконструкция настаивает на невозможности объективного и всеобщего содержания бытия и наполняет понятие «бытие» субъективным содержанием [5, с. 411-412]. Таким образом, через деконструкцию постмодернизм предстаёт как критика основополагающих принципов философии XVII-XIX вв. и культуры логоцентризма. Но, отвергая традиционные модели мышления (раци-

онализм и диалектику), деконструкция предлагает взамен лишь умозрительный хаос, эклектику и не предполагает рождение какого-либо нового порядка. Любой порядок мысли невозможен без правил и некоторой несвободы, а «демократизм» деконструкции выступает против любых сдерживающих факторов, следуя мифу абсолютной свободы, где этика эгоизма достигает своего апофеоза.

Важно заметить, что постмодернистская деконструкция – это результат развития европейской культуры, выражение гипертрофированного эгоцентризма. Развитие эгоцентризма европейской цивилизации обусловлено природно-историческими условиями. Дело в том, что главная задача Западной Европы, изначально определённая географией – это освоение океанических просторов. Возможность выхода в моря и океаны, предоставленная географией, реализовывалась благодаря экономическому развитию, укрепляющему такие психологические установки романо-германских народов, как индивидуализм, чувство превосходства и «мещанский дух». Именно европейская цивилизация предлагает идею-миф «общечеловеческой культуры» и под «общечеловеческими» ценностями и стандартами, как правило, подразумевает собственные образцы. Попав в океанические просторы и получив доступ ко всем частям света, романо-германцы почувствовали себя вершителями судеб всего человечества. Благодаря океану у европейцев есть возможность оказывать экономическое, политическое и культурное влияние на многие народы. И ещё в древнем мире освоение Средиземного моря, объединившего народы вокруг античной Греции, а затем и Римской империи, способствовало формированию идеи эгоцентризма и «всечеловечества». Европейский космополитизм «правильнее было бы назвать откровенно общеромано-германским шовинизмом» [6, с. 35].

Факторы, формирующие эгоцентрический характер современной европейской культуры, это не только географическая среда, не только идеологическая специфика западного христианства [7, с. 192], но и соответствующий определённой стадии этногенеза стереотип поведения. Постмодернизм, пропитанный духом субъективизма, стремлением к безграничной личной свободе, является одним из наиболее ярких выражений индивидуализма и эгоизма, царящих в современной «общечеловеческой» и массовой культуре. Используя методологию евразийства 20-30-х гг. XX в. (органический тип философии истории, мультинациональный подход) и теорию этногенеза Л.Н. Гумилёва, можно определить важнейшие факторы, воздействующие на изменение духовных ценностей соци-

ума. По мнению Л.Н. Гумилёва, в любом обществе всегда существуют две этические идеологии: эгоистическая и альтруистическая. Альтруизм можно увидеть и в живой природе, среди стадных животных, но только у человека, по мнению учёного, альтруистическая идеология приобретает значение единственного «видоохранительного» фактора. При этом альтруизм всегда соседствует с эгоизмом, где личное и семейное выше общественного. Для существования и развития общества необходимы и «альтруисты», обороняющие этнос как целое, и «эгоисты», воспроизводящие его в потомстве. Понимание «добра» и «зла» в альтруистической и эгоистической этике будет различным, что в свою очередь находит отражение в этническом стереотипе поведения. Так, «добро» как жизнь и благополучие коллектива у «альтруистов» отличается от понимания «добра» в эгоистической этике, где оно выступает как сохранение собственной жизни и получение всевозможных личных благ [8, с. 130].

Эгоцентризм постмодернизма проявляется и в агрессивном отрицании духовных традиций, и в борьбе за безграничную свободу и самовыражение индивида. С точки зрения Льва Гумилёва, доминирование «разумного эгоизма» в общественном сознании способствует возникновению жизнеотрицающих идей, на основе которых могут быть сформированы деструктивные религиозные культы и агрессивные государственные идеологии. Импульсы сознания, формирующие их, по мнению учёного, негативны – «индивид спасается от тягот мира за счёт отказа от горя и радости, от забот о близких и далёких, от любви к истине и отрицания лжи» [9, с. 30]. «Разумный эгоизм», если он преобладает, ведёт общество к гибели. Важно заметить, что постмодернистская деконструкция в культуре и в современном мировоззрении приводит к тому, что истина и ложь теряют свои принципиальные различия и перестают противопоставляться. Таким образом, деконструкция как мировоззренческий принцип и как научный методологический приём превращается в мощное оружие информационных войн. Так, ложь становится массивной дезинформацией, влияющую на социальную и культурную среду. Но самое страшное, по убеждению Гумилёва, – это ложь на биосферном уровне, когда происходят процессы упрощения, которые ведут к замене высших животных микроорганизмами (например, гниение трупов), к превращению живого вещества в косное, к распаду косного вещества на молекулы, молекул – на атомы и т.д. В жизнеотрицающих мировоззренческих системах можно наблюдать, как ложь формирует идеологическую «программу человекоубийства», так как если изначально предполагается,

что нет реальной жизни (например, жизнь рассматривается как иллюзия – тантризм, жизнь как мираж в зеркальном отражении – исмаилизм, жизнь как творение сатаны – манихейство), то человека нельзя жалеть, ибо объекта жалости попросту нет, человек в данном случае – «призрачное существо». При этом в системе сознания, характеризующей деструктивные культы исчезает индивидуальная свобода и творчество. Носителям негативных идей свойственна строгая дисциплина, подчинение невидимому вождю, старцу, учителю, «но зато он давал им возможность наносить максимальный вред ближним» [8, с. 493].

Культура постмодернизма оказывается во многом созвучной с известными ранее деструктивными религиозными культами. Так, современному гуманизму отводят место рядом с экономизмом и национализмом (формами «ограниченной гуманитарности») [4, с. 638]. А постмодернистская «этика расчеловечивания помимо прочего открывает перспективу новой реагрегации, возможность заново собрать человека в мире» [4, с. 292]. И в «расчеловечивании» живого человеческого существа постмодернизм объявляет полную свободу, рассматривая деструкцию, разрушение, как творческий процесс самовыражения индивида. При этом культивируется безграничный эгоизм.

Как одно из важнейших направлений постмодернизма деконструкция создаёт лишь иллюзию борьбы за свободу и многообразие тогда, как лишённая границ в разрушении традиционного и национального, она способствует пропаганде самого главного лозунга массовой культуры: «Живи для себя!». Рассматривая динамику общественного сознания в процессе этногенеза, Л.Н. Гумилёв приходит к выводу, что победа «разумного эгоизма» и «жизнь для себя – это путь к гибели». Но именно «культ эгоизма» преобладает в современной массовой культуре, и с его помощью крупнейшие политики и экономисты пытаются формировать общественное сознание. Преобладание «разумного эгоизма» как принципа, формирующего стереотип поведения, ведёт к депопуляции этноса. В качестве яркого примера можно привести депопуляцию в Римской империи со II по VI века нашей эры (от 2 млн. человек, проживающих в городе Риме, осталось 6 тыс. человек) [10, с. 460].

Постмодернистская деконструкция – это не только идеологическое и методологическое воплощение «разумного эгоизма», но и унификация. При рассмотрении деконструкции как достижения европейской цивилизации всё более очевидным становится вывод, что деконструкция выступает в качестве одной из масок унификации, скрывающей

недостатки и некоторые нелюбимые цели современной глобализации. Как известно, унификация – это приведение чего-либо к единообразию, к единой форме или системе. В точных науках унификация представляет собой замену переменных на конкретные значения при выводе логической формулы. Идея общечеловеческого единства, общей для всех народов исторической линии развития и мысль, что кто-то на этом пути отстал и его можно заменить европейскими «прогрессивными» силами – это идеологическая основа глобальной культурной унификации.

Всем известен многовековой исторический опыт европейского вмешательства в естественные процессы культурного становления многих, прежде всего, попавших в колониальную зависимость, народов. При этом, предлагая «общечеловеческие» образцы ведения хозяйственной и политической деятельности, европейская цивилизация, как правило, ставила под угрозу национальное будущее колонизированных народов. Упрощение системы ведёт её к гибели. И не стоит удивляться, что логическим концом глобальной экономики, построенной на унификации и деконструкции, будет разрушение национальных культур и самой способности населения вести тот или иной тип хозяйства в определённых географических условиях.

Постмодернизм, определяя стиль мышления современного «цивилизованного» человека, находит своё воплощение во всех сферах жизни общества. Он снимает морально-нравственные границы, идейно поощряет развитие техносферы и способствует самой страшной унификации – унификации биосферы. Техносфера по своей сути – это глобальная унификация культуры и природы, которая осуществляется благодаря распространению влияния европейской цивилизации [11, с. 67]. По мнению Л.Н. Гумилёва, человечество порой пытается заменить техносферой живые процессы, обогатившие нашу Землю энергией. Но техносфера без участия человека не может сама что-либо создавать, а лишь медленно разрушается. В этом важнейшее отличие техносферы от биосферы, способной многомерно развиваться. Предметы техносферы – мёртвая природа и застывшая культура лишены саморазвития. Полярность техники и жизни, по мнению Льва Гумилёва, неоспорима [12, с. 291-295].

Научно-технический прогресс превратился в планетарное явление, благодаря распространяющей его европейской цивилизации и среди его достижений – деконструкция национальных культур и биосферы. Деконструкцию биосферы ярче всего выражает появление и распространение ГМ культур. При этом обозначение «ГМО» применяется для

растений, животных и микроорганизмов, генотип которых был целенаправленно изменён человеком. Важно заметить, что конечные результаты таких изменений, их влияние на биосферу в большинстве случаев не рассматриваются, так как сама цель разработки и внедрения ГМО связана не с природными, а с социальными процессами: борьбой с голодом и болезнями, проблемой старения и смерти человеческого организма, стремлением добиться экономической независимости или превосходства одного государства над другим. В сельском хозяйстве «ГМО» называют организмы, модифицированные благодаря внесению в их геном одного или нескольких трансгенов. Создание ГМО – самый яркий вид деконструкции, пришедшей из области мышления в реальную жизнь человека и природы. И за возможностью соединять в биосфере всё со всем, соединять гены организмов, которые не скрещиваются в природе, кроется опасность выхода за грань видового разнообразия, нивелировка природных, видовых различий – это то, что осуществляется при создании и распространении ГМО. Таким образом, ГМО – это в прямом смысле деконструкция жизни. И вывод современных учёных о том, что «человечество, совершив с помощью науки великие открытия, воплотило их в инструменты технического господства над природой, в насилие над ней, ради получения материальных благ (выгоды)» представляется вполне убедительным [13].

Масштабы деконструкции природы постмодернистским сознанием, воплощенном в реальной деятельности, уже впечатляют. Так, в конце 90-х гг. XX в. США начали практиковать крупномасштабные коммерческие посадки ГМ растений, значительное место среди которых занимают культуры соевых бобов, кукурузы и хлопка. В настоящее время ГМ культуры занимают от 85% до 91% площадей, засеянных этими тремя видами сельскохозяйственных растений, почти 171 млн гектаров [14]. Вместе с этим известен тот факт, что транснациональные коммерческие компании, поставляющие необходимые компоненты для интенсивного животноводства, в настоящее время уже приступили к реализации генных модификаций [15]. В то же время, генно-модифицированные животные в продовольственной цепи человека – это не только непроверенный способ решения проблем в стремлении накормить весь мир, но и деконструкция естественных процессов биосферы, которой для создания новых видов требовались порой миллионы лет. Через деконструкцию живого человек просто уничтожает существующую природу, но это природа находится и внутри нас. В связи с этим учёные справедливо замечают: «сами люди,

поскольку у них есть тела, являются частью вечно меняющейся природы, ибо они также подвержены мутациям, как и все организмы» [16, с. 354].

В области культуры и науки негативные результаты деконструкции это: разрушение национальных культур; культурное упрощение, ярче всего проявляющееся в массовой культуре; утрата многообразия и уникальности; гносеологический кризис современной науки, во многом обусловленный потерей свободы творчества в познания. Мёртвая культура – это даже не техносфера, разрушающаяся без человека, а горы мусора, заменяющие собой естественные, природные ландшафты.

Свобода творчества, самостоятельный поиск истины, постижение законов природы, когда-то привлекавшие в науку талантливые, изобретательные умы, в настоящее время представляются мало востребованными и порой невозможными из-за бюрократических препятствий, политических заказов и экономической конъюнктуры. Но нет сомнений, что наука способна погубить человечество. Способна ли она продлить жизнь? Этот вопрос можно однозначно решить, если речь идёт об отдельном организме, а не биосфере в целом. А вот уничтожить жизнь наука может, и это не вызывает сомнений. Причём, уничтожить в любом, максимально возможном масштабе – в масштабе всей биосферы. При этом, использование научных знаний для создания новых видов оружия привело к утрате прежней веры человечества в науку. Как известно, с середины XX в. наука стала получать в свой адрес многочисленные критические оценки со стороны философов, культурологов, деятелей литературы и искусства. Многие учёные считают, что технические достижения дегуманизируют, не возвышают, а принижают человека, окружая его искусственными, «ненастоящими» предметами. Окружив себя богатством и комфортом самая «передовая» часть человечества «теряет ощущение жизни, способность к радости, чувству красоты и понимание смыслов» [13]. Современная наука и техника, направлены на то, чтобы отделить человека от живой природы и поместить его в упрощённый, не способный к развитию унифицированный мир. И сам исторически сложившийся человек как биологическое и духовное (культурное) существо в начале XXI в. превратился в тормоз на пути научно-технического прогресса, «который требует теперь подгонки не кресла под человека, а человека под кресло, “совершенствования” вместе с ним того, кто в нём сидит» [17, с. 72]. В этой связи современные учёные для обозначения научно-технического прогресса стали применять термин «трансгресс», утверждая, что научное мышление в XXI в. «пере-

ступило через человека», превратив его в элемент, фактор, агента в общем потоке, преодолевшем устойчивость новационного развития [17, с. 75]. При этом скорость «трансгресса» настолько велика, что за бортом технического развития остаются морально-нравственные оценки деятельности современного «цивилизованного» человека. А к чему может привести наука, лишённая созидательного вектора и таких духовных идеалов, как истина, добро, красота?

Наука, лишённая этической составляющей, превратилась в мощное орудие преобразования природы. Есть средства, но ускользает конечная цель деконструкции живой природы, а человек всё больше и больше превращается в придаток машины и решение всех проблем видится в дальнейшем техническом прогрессе, а не в прогрессе человеческого духа. Технические новшества стремительно изменяют повседневную жизнь, не дают времени психологически адаптироваться, ввергая «самых прогрессивных» членов общества в постоянный стресс [18, с. 84]. Разрушаются национальные культуры, и в обществе, охваченном бесконечными искусственными изменениями, не остаётся ни времени, ни места для новых традиций, поэтому любые этические нормы заведомо лишены своей ценности в силу неустойчивости, кратковременности.

Этическая составляющая науки также легковесна из-за стремительно меняющихся социально-экономических и политических запросов. Фундаментальная наука в бурлящем, неустойчивом мире информации превратилась в нечто «древнее», несвоевременное и ненужное. В мире, где, казалось бы, уже нет устойчивого знания по-новому, драматично, звучит вопрос: а есть ли наука вообще? И, если есть, то что это такое? Некоторые современные учёные делают парадоксальные замечания: «С философской точки зрения лучше не иметь чёткого определения науки, нежели его иметь» [1]. Не давая окончательного определения науки, философия пытается сохранить свою фундаментальную, традиционную особенность постоянного живого вопрошания. Тем самым философия превращается в серьёзное препятствие на пути глобальной унификации знания и выступает как возможность сохранения живого творчества в искусстве и познании [19, с. 81]. Философия настаивает на открытости обобщения для того, чтобы избежать «превращения его в замкнутую в себе систему, оторванную от жизни, в замкнутый герменевтический круг» [20, с. 108]. При этом философия способна противостоять постмодернистской деконструкции как мировоззренческому принципу и способу отношения к действительности, рождённому «болезнью духа» европейской ци-

визации [21]. Но в области материального мира деконструкция всего живого пока ещё остаётся страшной реальностью XXI в.

Факты истребления своей среды обитания и самого себя при помощи самой современной науки и техники свидетельствуют о кризисе в духовной культуре и в научной методологии, разрешить который необходимо ради будущей жизни на планете. Выход из кризиса возможен через масштабную мировоззренческую революцию, частью которой будут и серьёзные изменения в структуре научного мышления. Необходим новый рационализм, логика органического (живого), которую можно обнаружить в традициях западной и отечественной философии. Развитие научной методологии, основывающейся на органическом типе философии истории, теории «локальных цивилизаций», предполагающей «цельное» знание, способствует осознанию кризиса в современном научном мышлении и поиску способов его преодоления [22, с. 141]. «Человек не умещается в границу знания. Человек больше того, что он о себе знает или может знать» [23, с. 7]. И речь, прежде всего, идёт о научном знании и специфической узости методов его получения. Хотя, и, с точки зрения философии рационализма XVII-XVIII вв., в человеке всегда будет нечто необозримое и бесконечное – поле для вечных вопросов, обретающих в конкретном времени и месте свои неповторимые ответы и оттенки. «Цельное» знание, в отличие от универсальных и однозначных результатов познания, предлагаемых классической наукой, создаёт многомерное представление о действительности, которая в каждый момент времени может предстать перед нами своей новой, неведомой нашему глазу ранее, стороной. Отсутствие разделения чувственного опыта и «чистого разума», иррационального и рационального в «цельном» знании, где все эти грани познания необходимы для целостного восприятия действительности, также безусловное преимущество органического подхода, разработанного в отечественной философии. Именно логика органического (живого), без которой невозможно представить ни теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, ни русский космизм начала XX в., ни евразийство и теорию этногенеза Л.Н. Гумилёва, выступает как альтернатива разработанной на Западе одномерной, техницистской методологии, нашедшей свое выражение в постмодернистской деконструкции. Логика органического – это путь к формированию нового рационализма, в котором найдётся место для разнообразных национальных интересов, где человечество предстаёт как сложная мозаика с постоянно меняющимися многомерными узорами, где ещё сохранился приоритет

духовных ценностей и возможна «экологическая аскеза», без чего трудно представить будущее планеты [7, с. 198].

Важно отметить, что логика органического (живого) присутствует в интеллектуальной традиции многих народов. Её можно рассматривать, как фактор, формирующий стереотип поведения на ранних этапах этногенеза. Идеологическую формулу логики органического можно сформулировать как «жизнь ради множества жизней». В основе логики живого лежит альтруистическая этика. Используя методологию этногенеза, разработанную Л.Н. Гумилёвым, возможно увидеть последовательность изменений мировоззренческих установок на разных стадиях существования того или иного народа. В самом начале исторического пути народа при сочетании этносов, ландшафтов региона и пассионарного толчка, происходит его рождение, т.е. появляется сообщество людей с новым стереотипом поведения. Важнейший общий для нового коллектива нравственный принцип мировоззрения на первом этапе этногенеза можно сформулировать в виде лозунга: «Будь тем, кем ты должен быть!» [10, с. 193]. Именно реализация этой мировоззренческой установки особенно важна, так как благополучие всей этнической системы на последующих этапах этногенеза зависит от добросовестного выполнения каждым своих обязанностей в соответствии со статусом в общественной иерархии. На этом этапе и появляется личная, индивидуальная идейная установка, определяющая будущее всего коллектива: «Жизнь ради множества жизней». В период «подъёма» можно наблюдать нарастающую идеализацию общественного сознания. «Ведь идеал – это далекий прогноз, и для того, чтобы защищать себя, нужно его иметь, а не жить только сегодняшним днем, как обыватели» [16, с. 286].

Последующее изменение общественного сознания, согласно теории этногенеза Гумилёва, происходит в «акматической» фазе, где возможно взаимное уничтожение самых активных представителей человеческого коллектива. Поэтому именно в данный период появляется мировоззренческое убеждение: «Мы устали от великих!». В Западной Европе это время сопровождается событиями Реформации, изменением духовных традиций, их адаптацией к реалиям жизни. Искомые идеалы, таким образом, характеризующие сферу далёкого и недостижимого, приближаются к повседневной жизни людей и её запросам.

Каждый этап этногенеза длится не одно столетие и определяется не только идеологическими факторами, но и биолого-географическими, такими, как пассионарность (избыток энергии живого вещества биосферы), климат и ландшафт. Способ-

ность выживать и приспособливаться к новым природным и социальным условиям сопряжена с определёнными идеологическими установками, которые изменяются вместе со старением этноса. Старение, согласно Гумилёву, сопровождается ростом «разумного эгоизма». Поэтому на последних этапах этногенеза можно наблюдать снижение стиля в искусстве, вытеснение оригинальных работ в науке компиляциями, в общественной жизни возрастание коррупции. «Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость» [16, с. 297]. Это неизбежно отражается в общественной идеологии, призывающей к нивелировке национальных, религиозных и культурных различий, навязывающей всем «общечеловеческий», «средний» образец. Так, появляются идеи «всеобщих» культурных ценностей, «среднего» класса, единой религии или общего для всех атеизма и т.д. И постмодернистская деконструкция выступает здесь как закономерный результат изменения общественного сознания этноса, находящегося в глубокой старости.

Логика органического (живого), сопряжённая с альтруизмом, оказалась мало востребованной в Европе уже в XIX в. Для обозначения альтруистических установок Лев Гумилёв применял термин аттрактивность (от латинского *«attractio»* – влечение) – это врождённое стремление каждого человека к высшему и совершенному, преодолевающее индивидуальную ограниченность физического существования и представляющее отказ от себя как обособленной эгоистической личности. Аттрактивность всегда развивается в определённой культуре, в системе образования и воспитания того или иного общества, где конкурирует с «разумным эгоизмом». И наиболее опасными, способными уничтожить свой народ, по Л.Н. Гумилёва, представляются честолюбцы, «деловые люди» и авантюристы. Им, как правило, свойственен довольно сильный эффект пассионарности и высокая степень «разумного эгоизма». В своих личных интересах ради славы, власти и денег они могут уничтожать народы, природные ландшафты, создавать ложные жизнеотрицающие идеологии [8, с. 338-441]. Некоторые исследователи справедливо замечают, что серьёзную опасность для современного общества

представляет и тот факт, что «постмодерн отменил аттрактивность и сменил курс человечества на “разумный эгоизм”» [24].

Постмодернизм как результат развития европейской культуры, претендующей на абсолютное планетарное доминирование, превратил деконструкцию в реальную угрозу для биосферы и вызов творческому, активному познанию, без которого невозможна наука. Человечество при помощи изобретённой европейской цивилизацией постмодернистской деконструкции пытается «раскрашивать гробы», придать маске смерти как можно более живые черты. Нравственную и физическую деградацию общества и разрушаемого им природного ландшафта, согласно Л.Н. Гумилёву, можно наблюдать в демократических государствах Европы XX в. Учёный утверждает, что цивилизацию способно погубить «свободное общение» и «свободная любовь» – утрата традиций и запретов, появившихся в процессе адаптации и потому так необходимых для выживания человеческого сообщества. Демократия даёт значительную свободу поведения, но если человек «выигрывает в общественной свободе, то теряет при контакте с природой, точнее – с географической средой и собственной физиологией, ибо природа находится внутри наших тел» [8, с. 88]. Идея безграничной свободы деятельности человека и общества, провозглашаемая постмодернизмом, оказывается во многом искусственной, неадекватной окружающей социальной и природной обстановке. Поэтому она превращается в барьер, который отделяет общество от естественного этнического и биолого-географического окружения, от реалий жизни. Это в конечном итоге ведёт к гибели государства и культуры, а всемирный статус постмодернистской деконструкции угрожает будущему всего человечества.

Выход из мировоззренческого тупика постмодернизма, согласно евразийской методологии изучения развития социума, необходимо искать в интеллектуальном творчестве других, более молодых, в сравнении с европейской цивилизацией, народов и культур, в интеллектуальном творчестве, которое способно ответить на вызовы современности, где много энергии и ещё сильны альтруистические установки, где действует логический принцип: «Жизнь ради множества жизней!».

Список литературы:

1. Профессор Дорожкин: «Настоящий ученый – это ещё и философ, способный задавать вопросы» // Официальный сайт ВятГУ. URL: <http://www.vyatsu.ru/internet-gazeta/professor-dorozhkin-nastoyaschiy-uchenyiy-eto-esch.html>.
2. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. 432 с.
3. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
4. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002.

5. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000.
6. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с.
7. Коптелова Т.И. Экономика и православие-евразийский вариант «капиталистического духа» // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова. 2014. № 5. С. 191-198.
8. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 560 с.
9. Гумилёв Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л.: Сов. Писатель, 1990. 128 с.
10. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии / Сост., предисл., коммент. О.Г. Новиковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008. 608 с.
11. Коптелова Т.И. Унификация – основа глобальной экономики или самоуничтожение человечества? Ответ с точки зрения евразийской философии истории // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015. № 2. С. 64-72.
12. Гумилёв Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. 544 с.
13. Кутырёв В.А., Нилогов А.С. Об экспансии высоких (постчеловеческих) технологий, её перспективе, их творцах и жертвах // NB: Философия трансгуманизма: учебно-метод. пос. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т, 2010. 85 с.
14. Энгдаль Ф. Уильям. Семена разрушения: тайная подоплёка генетических манипуляций. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/50096/>.
15. Ходжес Джон. Есть ли альтернатива интенсивному животноводству? URL: <http://www.vestiruza.ru/article/222/est-li-alternativa-intensivnomu-zhivotnovodstvu/>.
16. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: Рольф, 2001. 384 с.
17. Кутырёв В.А. Философия трансгуманизма: учебно-метод. пос. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т, 2010. 85 с.
18. Медведев М.С. Сравнительный анализ традиционной и современной культуры // Педагогика и просвещение. 2012. № 3. С. 80-87.
19. Балдина О.Д. Изобразительно-пластические формы народной культуры в их взаимодействии с другими пластами современного художественного творчества: к постановке проблемы // Культура и искусство. 2011. № 5. С. 76-88.
20. Дорожкин А.М., Ткачев А.Н. Проблема оснований науки и скептическая мысль // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 105-109.
21. Калабекова С.В., Напсо М.Д. Сохранение этнокультурной самобытности как фактор реализации национальных интересов в условиях общества постмодерна // Право и политика. 2013. № 6. С. 771-777. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.6.6976.
22. Коптелова Т.И. Евразийская методология изучения социального развития // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1(33). С. 141-145.
23. Гусейнов А.А. Что мы такое? // Человек. 2001. № 2.
24. Волынский А. Категория этноса. URL: <http://www.gumilev-center.ru/kategoriya-ethnosa/>.

References (transliterated):

1. Professor Dorozhkin: "Nastoyashchii ucheniy – eto eshche i filosof, sposobnyi zadavat' voprosy". Ofitsial'nyi sait VyatGU. URL: <http://www.vyatsu.ru/internet-gazeta/professor-dorozhkin-nastoyaschiy-uchenyiy-eto-esch.html>.
2. Florovskii G.V. Iz proshlogo russkoi mysli. M.: Agraf, 1998. 432 s.
3. Savitskii P.N. Kontinent Evraziya. M.: Agraf, 1997. 464 s.
4. Tul'chinskii G.L. Postchelovecheskaya personologiya. Novye perspektivy svobody i ratsional'nosti. Spb., 2002.
5. Derrida Zh. Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per s frants.. sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000.
6. Trubetskoi N.S. Nasledie Chingiskhana. M.: Agraf, 2000. 560 s.
7. Koptelova T.I. Ekonomika i pravoslavie-evraziiskii variant «kapitalisticheskogo dukha» // Filosofiya khozyaistva. Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fak-ta MGU im. M.V. Lomonosova. 2014. № 5. S. 191-198.
8. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2001. 560 s.
9. Gumilev L., Panchenko A. Chtoby svecha ne pogasla: Dialog. L.: Sov. Pisatel', 1990. 128 s.
10. Gumilev L.N. Struna istorii. Lektzii po etnologii / Sost., predisl., komment. O.G. Novikovoi. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Airis-press, 2008. 608 s.
11. Koptelova T.I. Unifikatsiya – osnova global'noi ekonomiki ili samounichtozhenie chelovechestva? Otvety s tochki zreniya evraziiskoi filosofii istorii // Filosofiya khozyaistva. Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fak-ta MGU im. M.V. Lomonosova. 2015. № 2. S. 64-72.
12. Gumilev L.N. Etnosfera: Istoriya lyudei i istoriya prirody. M., 1993. 544 s.
13. Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Ob ekspansii vysokikh (postchelovecheskikh) tekhnologii, ee perspektive, ikh tvortsakh i zhertvakh // NB: Filosofskie issledovaniya. 2014. № 1. S. 164-202. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.1.10676. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_10676.html.
14. Engdal' F. Uil'yam. Semena razrusheniya: tainaya podopleka geneticheskikh manipulyatsii. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/50096/>.
15. Khodzhes Dzhon. Est' li al'ternativa intensivnomu zhivotnovodstvu? URL: <http://www.vestiruza.ru/article/222/est-li-alternativa-intensivnomu-zhivotnovodstvu/>.
16. Gumilev L.N. Konets i vnov' nachalo: Populyarnye lektzii po narodovedeniyu. M.: Rol'f, 2001. 384 s.

17. Kutyrev V.A. *Filosofiya transgumanizma: Uchebno-metodicheskoe posobie*. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii un-t, 2010. 85 s.
18. Medvedev M.S. *Sravnitel'nyi analiz traditsionnoi i sovremennoi kul'tury* // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2012. № 3. S. 80-87.
19. Baldina O.D. *Izobrazitel'no-plasticheskie formy narodnoi kul'tury v ikh vzaimodeistvii s drugimi plastami sovremennogo khudozhestvennogo tvorchestva: k postanovke problemy* // *Kul'tura i iskusstvo*. 2011. № 5. S. 76-88.
20. Dorozhkin A.M., Tkachev A.N. *Problema osnovanii nauki i skepticheskaya mysl'* // *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo*. 2014. № 6. S. 105-109.
21. Kalabekova S.V., Napso M.D. *Sokhranenie etnokul'turnoi samobytnosti kak faktor realizatsii natsional'nykh interesov v usloviyakh obshchestva postmoderna* // *Pravo i politika*. 2013. № 6. S. 771-777. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.6.6976.
22. Koptelova T.I. *Evraziiskaya metodologiya izucheniya sotsial'nogo razvitiya* // *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2014. № 1(33). S. 141-145.
23. Guseinov A.A. *Chto my takoe?* // *Chelovek*. 2001. № 2.
24. Volynskii A. *Kategoriya etnosa*. URL: <http://www.gumilev-center.ru/kategoriya-ehtnosa/>.